

Власов Сергей Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

ДЕТСКАЯ И ПОДРОСТКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация:

Статья посвящена анализу детской и подростковой преступности в годы Великой Отечественной войны. На основе изучения архивных материалов и документов Государственного архива Приморского края автором установлено, что правонарушения выражались в мелких кражах, хулиганстве и грабежах. Практически половина всех преступлений была связана с нарушением трудового законодательства. В ходе исследования выявлено, что местные органы власти пытались проводить профилактические мероприятия по предотвращению преступлений со стороны детей и подростков, которые, однако, сводились к рейдам по местам скопления безнадзорных и беспризорных детей, их обучению в школах ФЗО (фабрично-заводского обучения) с последующим трудоустройством и материальной помощью на производстве. Автор приходит к выводу, что главными причинами правонарушений со стороны детей и подростков являлись тяжелые социально-экономические условия жизни, в которых они оказались, отсутствие контроля со стороны взрослых людей, учебно-педагогических и культурно-образовательных учреждений.

Ключевые слова:

дети и подростки, военное детство, трудовая мобилизация, детский труд, беспризорные и безнадзорные дети, детская преступность.

Vlasov Sergei Aleksandrovich

PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

CHILD AND ADOLESCENT CRIME IN PRIMORSKY KRAI DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary:

The paper analyzes child and adolescent crime during the Great Patriotic War on the basis of state archival materials of Primorsky Krai. The author in course of study found that the offenses were expressed in petty theft, hooliganism and robbery. Almost half of all crimes were related to violation of labor laws. It was revealed that local authorities tried to carry out preventive measures to prevent crime by children and adolescents, which amounted to raids on places of accumulation of homeless children, their education in schools of factory tutoring with subsequent employment and material assistance them in the workplace. The author concludes that the main causes of offenses by children and adolescents were the difficult social and economic living conditions in which they found themselves, the lack of control by adults, educational and cultural institutions.

Keywords:

children and adolescents, military childhood, labor mobilization, child labor, street and neglected children, child crime.

Историография Великой Отечественной войны обширна. Практически все основные сюжеты, связанные с ходом событий на фронтах, работой в тылу, деятельностью государственных структур и общественных организаций по созданию боеспособной армии и крепкой экономики для победы над врагом, основательно изучены и описаны отечественными и зарубежными исследователями. В новейшей постсоветской историографии ученые обратились к малоисследованной в предыдущие годы проблеме военного детства. В изучение этой проблемы внесли свой вклад историки, писавшие с опорой на материалы Дальнего Востока, – Г.А. Ткачева [1], С.С. Балдин [2], И.В. Крюков [3]. Однако такая проблема, как детская и подростковая преступность в Дальневосточном регионе в целом и в отдельных его районах в частности, до сих пор не стала предметом специального анализа. С учетом этого обстоятельства автор статьи попытался восполнить подобный пробел в отечественной историографии.

Для определения возрастных границ в развитии детей обычно используют определенные физиологические и психические качества (умение ходить, разговаривать, наступление физиологической зрелости и пр.). Периодом раннего детства, младшего и среднего школьного возраста принято считать для девочек возраст до 10–12 лет, для мальчиков – до 12–14 лет. Затем, соответственно, идет подростковый возраст до 15–16 лет у девочек и до 17–18 у мальчиков. Однако война смешала привычные возрастные планки – из-за экстремальности ситуации дети взрослели намного раньше и включались в общественно-экономическую жизнь страны наравне со взрослыми.

С началом войны в СССР экономика была направлена на обеспечение военных нужд. Первоочередные задачи по перестройке экономической жизни в кратчайшие сроки были поставлены

и в Приморском крае. У местных предприятий возникли сложности не только с выпуском военной продукции, которую они ранее не производили, но и с кадровым обеспечением заводов и фабрик. Заменить ушедших на фронт мужчин пришлось женщинам, пенсионерам, подросткам.

С первых дней войны к работам различного характера стали привлекать детей и подростков. Широко использовался детский труд в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Помимо этого, школьников – пионеров и комсомольцев побуждали участвовать в воскресниках по сбору металлического лома, в работе по сбору дикоросов и подарков для бойцов Красной армии, в тимуровском движении по оказанию помощи семьям красноармейцев, в подготовке к сдаче норм БГТО и ГТО и участию в спортивных соревнованиях. В мемуарной литературе школьники из дальневосточных регионов о военном времени вспоминают так: «У нас фактически не было выходных дней: мы учились, работали на воскресниках или занимались военным делом и спортом; не было каникул, вообще не было свободного времени» [4, с. 111].

Однако не все дети учились в школе, а после занятий были вовлечены в общественно полезную деятельность. Значительная часть детей и подростков в годы войны в силу целого ряда объективных обстоятельств не посещала школу. Так, в 1941/42 уч. г. из школ Приморского края по разным основаниям ушли около 30 тыс. детей [5]. Основной причиной стала материальная необеспеченность – отцы были призваны в армию, матерям никто не помогал. Если семья была многодетной, то старшим детям (прежде всего в сельских районах) приходилось участвовать в обеспечении семьи пропитанием, топливом. Возможности купить одежду и обувь не было, детей попросту не в чем было отправить в школу.

В 1943/44 уч. г. 7 тыс. детей школьного возраста по разным причинам не посещали школу [6]. Приморский крайком ВКП(б) с горечью констатировал, что руководители партийных и советских органов многих районов края, и в том числе г. Владивостока, не смогли обеспечить детей одеждой, обувью, питанием, учебниками и всем необходимым для посещения школы и нормальной учебы. К концу учебного года в тех школах осталось от 65 до 70 % детей по сравнению с его началом. В Хорольском и Анучинском районах около 300 детей не учились из-за отсутствия обуви и одежды [7]. По этой же причине в 1944/45 уч. г. по всему краю почти 5 тыс. детей из семей фронтовиков не посещали школы [8]. В конечном итоге именно из этой категории детей формировались правонарушители, малолетние преступники.

Многие из тех детей, кто не посещал школу, бродили по улицам, толкались возле базаров, вокзалов, кинотеатров, попрошайничали, торговали папиросами, совершали мелкие кражи. В городах Приморского края – Владивостоке, Ворошилове (Уссурийске), Артеме, Сучане (Партизанске) – органами милиции задерживалось большое количество безнадзорных и беспризорных детей. Только во Владивостоке за первое полугодие 1944 г. было задержано за различные преступления 2100 подростков, из них 1960 – безнадзорные дети [9].

Безнадзорность являлась следствием отсутствия внимания к детям со стороны родителей и ближайших родственников. Отцы сражались на фронте, матери работали на производстве, а дети большую часть времени были предоставлены сами себе. Роль «воспитателей» выполняли их друзья по улице, где они проходили процесс «социализации» и нередко попадали под влияние преступных элементов.

В Приморском крае местные органы власти принимали меры для того, чтобы не допускать подобных ситуаций. Бюро Приморского крайкома ВЛКСМ 18 сентября 1942 г. приняло решение «О мерах комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью и предупреждению детской беспризорности», в котором речь шла об организации комсомольско-молодежных бригад по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью. Им вменялось в обязанность делать систематические обходы тех мест, где наблюдалось скопление детей и подростков. Это железнодорожные станции, морские причалы, рынки, магазины, трамвайные остановки, парки и другие места. Необходимо было выявлять беспризорных детей и направлять их в детские комнаты милиции или детский приемник-распределитель НКВД в г. Ворошилове [10]. Там дети должны были содержаться до месяца, а затем направлялись в детские дома или в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Однако за время нахождения в приемнике-распределителе подростки получали негативный опыт, который был присущ взрослому уголовному миру.

Приморский крайком ВКП(б) 6 июля 1944 г. принял постановление «О мерах по усилению борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью в г. Владивостоке». Среди мер различного характера в том числе предусматривалась «трудотерапия» – направление таких детей в школы ФЗО с последующим трудоустройством на предприятиях города [11]. Местные партийно-хозяйственные руководители считали, что труд беспризорных детей на производстве, с одной стороны, позволит решить кадровую проблему, а с другой – исправит малолетних правонарушителей [12].

За годы войны численность беспризорников увеличилась. Если к началу 1941 г. в Приморском крае функционировало 8 детских домов на 715 воспитанников, то в 1945 г. их количество

возросло до 18 с численностью более тысячи детей [13, с. 97]. В условиях военного времени детские дома плохо обеспечивались инвентарем, продовольствием, топливом. Не хватало квалифицированных кадров, часто в качестве воспитателей работали люди, не имевшие педагогического образования и нужного опыта. В детских домах среди воспитанников складывались стихийные отношения, где доминировал культ силы, процветало господство сильных над слабыми, старших над младшими – все то, что имело место во взрослом преступном мире.

Зимой главной проблемой был дефицит топлива. Вот выдержка из архивного документа времен войны: «В детских домах не хватает топлива. Холод убивает детей в одних случаях сразу – от простудного воспаления легких, в других случаях – медленно, вызывая развитие хронических заболеваний (туберкулез)» [14]. Тяжелые условия проживания в детских домах побуждали детей к побегам – они вновь возвращались в стихию улицы и нередко шли на совершение преступлений.

Семилетнее образование в те годы было обязательным, но после школы значительная часть подростков шла в ремесленные училища и школы ФЗО, а продолжали учебу в 8–10-х классах лишь те, чьи родители могли платить за обучение. Война скорректировала эту схему – нередко властями создавались искусственные препятствия (помимо платы за обучение) для того, чтобы дети не учились дальше, а шли в систему трудовых резервов, так как стране нужны были рабочие руки. Еще до войны в 1940 г. профессиональное обучение для мальчиков перестало быть добровольным. Введена ежегодная мобилизация лиц мужского пола 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах.

В военные годы трудовая мобилизация становится обязательной как для мальчиков, так и для девочек. 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Согласно ему, мобилизации подлежали трудоспособные мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа не работающих в государственных учреждениях и предприятиях. Лица, уклоняющиеся от мобилизации, привлекались к уголовной ответственности.

13 апреля 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР выпустили постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудящегося населения городских и сельских местностей», согласно которому во время наиболее напряженных сельскохозяйственных кампаний местными органами власти на работу разрешалось мобилизовать учащихся 6–10-х классов неполных средних и средних сельских и городских школ. Рабочий день устанавливался по 6–8 часов (в зависимости от возраста и характера работы). Обязательный минимум трудодней для подростков 12–16 лет был установлен не менее 50 дней в год. Подростки, проживавшие в селе, с 14 лет в обязательном порядке стали привлекаться к выполнению сельскохозяйственных работ в совхозах [15, с. 273].

Таким образом, с 1942 г. подростки в возрасте 14–16 лет становятся одним из основных источников решения кадровой проблемы в экономике края, главной формой комплектования трудовых резервов, получающих обучение в соответствующих учебных заведениях. За годы войны количество школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ увеличилось, в начале войны их было 15, в конце – 21 [16, с. 16–170]. В январе 1945 г. в промышленности Приморского края подростки в возрасте до 17 лет составляли 9 % от общего числа занятых, на железнодорожном и водном транспорте их доля составляла 12–17 % [17, с. 79].

В ходе мобилизации для обучения в ремесленных училищах и школах ФЗО приходилось привлекать учащихся 8–10-х классов средних школ, чему сопротивлялись родители, поскольку считали, что их ребенок попадет в общество двоечников, хулиганов и беспризорников, подвергнется дурному влиянию, превратится в правонарушителя. Поэтому, как только начиналась кампания по трудовой мобилизации, получившие повестки о призыве родители не отпускали детей в школу, не выдавали документы и тем самым препятствовали набору в систему трудовых резервов. Так, во Владивостоке во время выполнения Указа от 13 февраля 1942 г. Ленинский райисполком выполнил план по мобилизации молодежи на 43 %, а Фрунзенский – на 30 % [18].

Нехватка рабочих рук заставила мобилизовать подростков из сел и деревень. Им приходилось намного труднее, чем городским детям, поскольку нужно было привыкать к самостоятельной жизни в непривычной для них среде. Подростки должны были заботиться о пропитании, личной гигиене, а нередко и собственной безопасности, так как становились объектами преступлений. В тех школах ФЗО, где руководство не контролировало обстановку, наблюдались случаи разбойных нападений. Под угрозой холодного оружия дети были вынуждены отдавать хлебные карточки, деньги, одежду, обувь [19]. В больницы Владивостока часто попадали жертвы таких преступлений – подростки 14–16 лет с ножевыми ранениями [20].

Прибывших в ремесленные училища, школы ФЗО, на заводы и шахты размещали в общежитиях барачного типа без коммунальных услуг. Помещения плохо отапливались, места общего пользования располагались на улицах, постель менялась редко. Помимо проблемы бытовых условий,

не существовало организации досуга. Администрация не контролировала жильцов в свободное от работы время, поэтому зачастую обыденными занятиями были карточные игры, пьянство.

Молодым рабочим приходилось прятать хлебные карточки в карманы одежды и спать в ней, чтобы избежать кражи. Подобные случаи имели место в общежитиях завода № 202 во Владивостоке и на других предприятиях [21]. Вынужденной мерой со стороны администрации для предотвращения краж стала организация при общежитиях камер хранения, куда можно было сдать карточки, деньги и личные вещи [22].

Заместитель начальника Краевого управления трудовых резервов Васильев, выступая в январе 1943 г. на XI пленуме Приморского крайкома ВКП(б), констатировал: «В школе ФЗО № 5 при заводе № 77 в общежитиях жуткое состояние, условия нечеловеческие – замерзает вода и чернила, учащиеся спят на сплошных нарах, топлива нет, девочкам не подвозят воду. Мы не можем допустить, чтобы дети жили в таких условиях» [23].

Тяжелый труд, неустроенный быт, оторванность от дома, полная смена жизненного ландшафта – все это являлось стрессом для подростков, «ломало» их в психологическом плане, побуждало протестовать. В условиях сталинского тоталитарного режима открытый протест был невозможен, поэтому у подростков он выражался в «пассивных формах» – прогулах, уклонениях от работы, побегах с предприятий. Все эти проступки по законам военного времени трактовались как трудовое дезертирство и строго карались, а наказание виновных выступало в качестве «устрашающего» фактора для предотвращения потенциальных нарушений.

Чаще всего дезертирство со стороны рабочих-подростков (самовольный уход с предприятия, отказ от работы) случалось там, где условия труда были наиболее тяжелыми, в частности на шахтах. Так, на шахте № 3-ц в Артеме с июля по ноябрь 1942 г. (за пять месяцев) дезертировало 38 рабочих в возрасте до 18 лет [24].

Военным трибуналом за дезертирство с оборонных предприятий за три месяца 1942 г. (июль – сентябрь) было осуждено 58 чел., возраст которых составлял 16–18 лет [25]. Всего за 1942 г. по Приморскому краю было осуждено 309 молодых рабочих, почти половина из них – за нарушение трудовой дисциплины [26].

В 1943 г. на заводе № 202 (Владивосток) за прогулы было привлечено к судебной ответственности 493 рабочих. Кроме того, 172 чел. было осуждено за дезертирство. Численность трудового коллектива завода «Металлист» была намного меньше, но и там за прогулы и дезертирство были осуждены 165 молодых рабочих [27].

В ходе судебных разбирательств выяснялось, что многие случаи объяснялись кражей карточек, отсутствием одежды и обуви. Поскольку большинство молодых рабочих нуждались (по данным за 1942 г. – 70 %), администрация предприятий, куда подростков распределяли после окончания школ ФЗО и ремесленных училищ, оказывала им безвозмездную помощь. На заводе № 202 им выдали 800 пар обуви, 800 хлопчатобумажных костюмов, 1 тыс. комплектов нижнего белья, 3 тыс. метров мануфактуры [28]. В тресте «Сучануголь» они получили 325 пар нижнего белья, 332 рубашки, 290 брюк, 130 пиджаков, 50 костюмов [29].

Подростки, работая на производстве, раньше взрослели, становились более ответственными. Однако немало было случаев, когда бедственное материальное положение, тяжелый труд в условиях отсутствия родительского внимания и жизненного опыта приводили к приобретению негативных жизненных установок, асоциальному поведению.

Для Советского государства детская преступность и правонарушения не были новыми явлениями. Подобные формы девиантного поведения наблюдались и в довоенное время, но перед войной были в основном устранены.

В годы войны советский режим ужесточился, в том числе и по отношению к детям. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1941 г. «О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. “О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних”», к суду привлекались дети с 12 лет, как совершившие умышленные преступления, так и нарушившие закон по неосторожности. Дети и подростки, работающие на производстве, в большинстве случаев становились преступниками поневоле – по причине своей физической слабости, недостаточной квалификации они не могли выполнять нормы выработки и подвергались уголовному наказанию.

Таким образом, анализ детской и подростковой преступности в годы Великой Отечественной войны, основанный на архивных материалах Приморского края, позволяет сделать вывод, что причинами, побуждавшими малолетних правонарушителей преступать закон, являлись сложное социально-экономическое положение, тяжелое морально-психологическое состояние, вызванное в отдельных случаях непосильным трудом на производстве и неприемлемыми социально-бытовыми условиями, в которых приходилось находиться детям. Оказывало влияние отсутствие должного внимания к детям со стороны взрослых, а также учебно-педагогических и культурно-образовательных учреждений.

Ссылки:

1. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток, 2010. 376 с.
2. Балдин С.С.: 1) Профессионально-техническое образование на Дальнем Востоке России XIX–XX вв. Владивосток, 2007. 440 с.; 2) Трудовые резервы Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Вторая мировая война и мир в XX в.: материалы региональной конференции. Владивосток, 2001. С. 49–55.
3. Крюков И.В. Деятельность комсомольских организаций Дальнего Востока по подготовке боевых резервов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Шестые Гродековские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Хабаровск, 2009. С. 135–140.
4. Бутовская А.Б. Комсомольск, школьные годы, военные... / предисл. П. Фефилова. Комсомольск-на-Амуре, 2008. 280 с.
5. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-435. Оп. 1. Д. 27. Л. 63.
6. ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.
7. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 42. Л. 75.
8. ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 54. Л. 50.
9. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 42. Л. 88.
10. ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 30. Л. 73.
11. Там же. Д. 44. Л. 17–19.
12. ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 220. Л. 20.
13. Андреянов В.Ю., Нагирная Л.Д. Развитие медико-санитарной помощи детскому населению Приморья с 1926 по 1946 годы (исторический экскурс) // Тихоокеанский медицинский журнал. 2018. № 2 (72). С. 94–98. <https://doi.org/10.17238/pmj1609-1175.2018.2.94-97>.
14. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 42. Л. 94.
15. Тарасова Л.Я. Трудовой вклад в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) алтайских детей // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14-2. С. 273–274.
16. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 16–170.
17. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск, 2013. 340 с.
18. ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 220. Л. 17.
19. ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 31.
20. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 42. Л. 96.
21. ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 35. Л. 61.
22. Там же. Д. 28. Л. 13.
23. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 33. Л. 65–66.
24. ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.
25. Там же. Д. 28. Л. 31.
26. Там же. Л. 27.
27. Там же. Д. 54. Л. 11.
28. Там же. Д. 28. Л. 14.
29. Там же. Л. 25.

Редактор: Шитикова Ольга Сергеевна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович